



КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО



ПОЭТ ПАЛЕСТИНЫ

М. КУРГАНЦЕВ



УЧАСТНИКИ Ташкентской встречи писателей пяти континентов, которая состоялась год назад, хорошо запомнили высокого, стройного, темноволосого человека, который читал арабские стихи с трибуны Дворца искусств.

Удивительная, редкостная магия слов буквально завораживала зал. Лаконичные, четкие, полные огненной музыки строки лились одна за другой, и у слушателей рождалось ощущение, что они присутствуют при рождении чего-то необычайного, гордого и прекрасного.

Это выступал Муин Бсису — сорокалетний палестинец, интеллигент и бунтарь, один из лучших современных лирических поэтов Арабского Востока.

Муин Бсису родился в 1928 году. Когда ему исполнилось 20 лет, его соотечественников постигла страшная участь — они лишились родины. Жертвы национальной розни и колониалистских интриг, арабские труженики, веками жившие к западу от Иордана, превратились в изгнанников, беженцев, мучеников. Горестная и нищая жизнь на чужбине стала на десятки лет единственным уделом сотен тысяч палестинцев.

Поэтический голос Муина Бсису, гневный и сильный, зазвучал в начале 50-х годов. Первый же сборник поэта «Письма», выпущенный в 1952 году, был переиздан шесть раз. Широкое признание в арабском мире обрели его книги «Распятая Иордания», «Палестина в сердце», «Дерева умирают стоя».

Поэзия Муина Бсису многообразна, как жизнь, — в ней переливаются всеми красками человеческие страсти: жаркие монологи о любви и ненависти, о борьбе и свободе чередуются с беспешными раздумьями о смысле жизни, о родине, о будущем, о человеке и человечестве. Поэзия Муина Бсису всегда предстает как порождение самых сокровенных глубин его существа, она всегда неожиданна, всегда изумляет и никого не оставляет равнодушным.

Высокое призвание таланта, героизм и мужество художника, вопреки опасностям всем говорящего правду в глаза, — одна из тем творчества Муина Бсису.

Муин Бсису — политический поэт по самой глубокой внутренней сути. Его душевный настрой неотделим от забот и бед XX века, от драматических коллизий арабского мира наших дней. Но он никогда не сбивается на выпрежную, бездушную декламацию, которая порой гостит в стихах его коллег. Талант Бсису не уживается с словесной мишурой, общими местами, холодной лозунговостью. Слагая гражданские стихи, он не становится при этом «на горло собственной песне». И поэтому Муин Бсису так честно, без малейшего насилия над собой, откликается на общественные события в арабских странах. В годы, когда в Ираке у власти стояла королевская клика, когда лучшие люди страны томилась в пустыне, в страшном концлагере «Нукрат Сальман» — «иракском Бухенвальде», поэт создал гневное стихотворение «Третья река Ирака»:

*Я тебя не увижу.
Встреча не состоится.
Отменены все рейсы.
Все пути перекрыты.
Свободны только дороги
в тюрьму и в могилу.*

*Ты меня не услышишь.
Радио и парламент,
печатный станок и низы,
минареты, заводы —
у тех, кто заткнул мне глотку
и отнял силу.*

Перед
поднятием
занавеса

ВЕКАМИ в кенийских селениях разыгрывались по праздникам массовые театрализованные представления. Однако в эпоху британского владычества национальные традиции в значительной степени увяли. Современный национальный театр не родился. Существовало в Найроби несколько небольших театральных коллективов, созданных белыми поселенцами. Африканцы в такой театр, естественно, не допускались. Больше того, мало кто из них вообще интересовался этим «театром белых для белых».

Немного изменилось и в первые годы независимости. Формально созданный 16 лет назад Национальный театр Кении унаследовал основные традиции колониального периода. То же характерно и для другого профессионального театра в Найроби — «Донован», который совсем еще недавно «выписал» группу актеров из Лондона. Есть в столице Кении еще один театр — «Ориент арт серкл», где ставятся пьесы на языке хинди для людей индийского происхождения, которых немало в Кении, как и во всей Вос-

Писем ты не получишь.
Нет ни чернил, ни марок.
Здесь посылают пули —
одну за другой, до срока.
Здесь ничего не боятся,
кроме взглядов и песен.

Будешь по карте блуждать,
в протоколах рыться,
искать мое имя.
Поздно. Пустое дело.
На карте — одни столицы.
Адрес мой неизвестен.

Я тебя не увижу.
Снега потекут по склонам.
Тигр и Евфрат разольются.
Две реки. Есть и третья.
Третья река Ирака.
На карте о ней — ни слова.

Она течет от бараков
«Нукрат Сальмана».
Виселицы — паруса.
Тюрьмы — притоки.
Отсюда взываю к братьям
снова и снова¹.

Но главная тема стихов Муина Бсису — тема его истерзанной, окровавленной и преданной родины. Поэт отрекается от бесплодных и близоруких препирательств всевозможных лжепатриотов, клеймит реакционеров, всех врагов освобождения палестинского народа. Он бросает им в лицо горькую правду о гибнущей родине, о национальной катастрофе, постигшей его братьев. И образ стены старого дома в Газе; что «тысячу раз умирали и все же стоит», вырастает как обобщенный символ родины, которую невозможно победить и сломить.

Раны ее кричат: «Нет!».
Цепи ее кричат: «Нет!».
Горлица, прикрывшая грудь
раны ее, кричит: «Нет!».
Нет! — продающим Газу,
как рабыню на рынке.

¹ Стихи Муина Бсису даются в переводах автора статьи.

Нет! — меняющим Газу
на лживое слово.
Газетные утки,
кончайте свое гоготанье,
дайте услышать: «Нет!».
Умирает отчизна во мраке —
без блеска юпитеров,
без мерцанья свечей,
без единого лунного блика.
Ни извещений в печати,
ни похорон,
ни поминальных стихов,
ни причитаний,
ни траурных маршей.

Каменносердые, вы,
кто в погоне за модой
себя называют «барбудо»,
заткнитесь хотя бы на миг —
дайте услышать: «Нет!»

Это стена
старого дома,
которая тысячу раз умирала
и все же стоит.

А вы —
хватаете жадными клювами
пыль моей родины,
разносимую ветром.
Что ж, рассыпьте ее по бутылкам —
ждут не дождутся товара
тысячи торгашей!

Родина для поэта — источник нравственных сил. Он всегда чувствует себя ее сыном. Этой любви к родине не могут заглушить ни «клекот воронья», ни суета и рутина эмигрантского быта. Муин Бсису верит, что земля Палестины станет мирной, спокойной и безопасной для всех ее народов.

Олива не умеет быть двуликой,
не может быть неискренней река.
Не кланяюсь кумирам двух религий
ни всенародно, ни исподтишка.

«Куда спешишь, чужак, себе на гибель?» —
вдогонку слышу клекот воронья.
Меня зовет безрукая богиня,
одна на свете родина моя.

точной Африке. Но и этот театр, по вполне понятным причинам, также далек от истоков кенийской национальной культуры.

Все это дало некоторым западным «специалистам» формальный повод заявить, что «африканцы не любят театр и не будут ходить в театр». Подобное нелепое утверждение намерен начисто разбить новый директор Национального театра Кении Сет Адагала. Первый африканец, ставший во главе театра, единственный кениец, имеющий высшее театральное образование, он является на-

стоящим энтузиастом возрождения национального искусства.

Начал Адагала с того, что создал первое в Кении театральное училище, в которое из 48 претендентов было принято пятнадцать. Сейчас они приступили к изучению азов театрального искусства.

Большое внимание в училище уделяется также африканской живописи, африканской музыке, африканской литературе. В соответствии с местными традициями в училище пока занимаются только юноши. Еще сильны старые предрассудки. «Наши женщины

слишком застенчивы, — говорит на этот счет сам Адагала. — Но в конце концов и шекспировский театр обходился без актрис, женские роли исполняли в нем мужчины...»

«Наш театр станет чисто африканским театром, — подчеркивает директор. — Однако эту мысль нельзя понимать в узком смысле. Мы будем, несомненно, использовать тот богатый опыт, который накопило зарубежное искусство, не позволяя ему поглотить наши национальные традиции».

Э. БАСКАКОВ